

ВЕКТОР ШТЕРА: ЗНАНИЕ В КООРДИНАТАХ ГОРОДА*

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук; профессор. Московский городской педагогический университет. Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, корп. 1; e-mail: teosmaco@rambler.ru

«Вектор Штера» – метафора, связанная с именем современного германо-канадского философа и социолога науки Нико Штера и обозначающая траекторию движения как «общество знания», где интеллектуальные достижения как общественное достояние имеют наивысшую ценность – они бесценны и поэтому не продаются и не покупаются, и доступ к ним – свободный. В качестве главного препятствия для становления общества знания Штер указывает узурпацию когнитивных ресурсов цифровыми гигантами с помощью инструментов юридического кодирования интеллектуальных продуктов. Знание экспроприруется у его создателей – ученых – и затем продается, тем самым еще больше обогащая «знанийевых монополистов». «Вектор Штера», преодолевая подобные барьеры, направлен в будущее, где разные формы социального обмена развиваются по образцу социальных коммуникаций в среде представителей «креативного класса» (термин Р. Флориды), сосредоточенного в центрах знания – городах с большим научным и образовательным потенциалом. Поскольку «город знания» является когнитивным генератором, в итоге способность к научному мышлению становится свойством каждого человека. В статье предлагаются аналогии между «городами знаний» как «новой утопией», развивающейся в алгоритмах «вектора Штера», и первыми городами Средневековой Европы, которые возникали и развивались как аккумуляторы знания и университетской жизни. Таким образом, «вектор Штера» позволяет конструировать уже не бердяевский антиутопичный вариант «Нового Средневековья», а, напротив, вариант более интеллектуально свободный, нежели современный капитализм знаний.

Ключевые слова: «Вектор Штера», общество знаний, финансовализация, система координат городского дискурса, право на свой город, городской университет, эпистемологическая урбанистика, дихотомия, когнитивно-коммуникативное и пространственно-временное измерения, «город знания»

* Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РНФ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288>. The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 “Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies”: <https://rscf.ru/project/23-18-00288>).

STEHR'S VECTOR: KNOWLEDGE IN THE CITY COORDINATES

Irina A. Savchenko –
DSc in Sociology, Professor.
Moscow City University,
4 Vtoroy Selskohoziaystvenny
proezd, Moscow 129226,
Russian Federation;
e-mail: teosmaco@rambler.ru

The “Stehr vector” is a metaphor associated with the name of the modern philosopher and sociologist of science Niko Stehr and designating the trajectory of movement towards a “knowledge society”, where intellectual achievements as a public good have the highest value – they are priceless and, therefore, are not sold or bought, and access to them is free. Since a number of obstacles are characteristic to the formation of the ascent to the knowledge society, the main one is the usurpation of cognitive resources by digital giants with the help of legal coding tools for intellectual products. Knowledge is expropriated from its creators – scientists – and then sold, thereby further enriching the “knowledge monopolists”. The “Stehr vector”, overcoming such barriers, is aimed at the future, where different forms of social exchange are developing on the model of social communications among representatives of the “creative class” (R. Florida), concentrated in the centers of knowledge – cities with great scientific and educational potential. Since the “city of knowledge” is a cognitive generator, as a result, the ability to think scientifically becomes a property of every person. The article shows that certain analogies are possible between “cities of knowledge” as a “new utopia” developing in the algorithms of the “Stehr vector”, and the first university cities in Medieval Europe, which arose and developed as accumulators of knowledge and university life. These “new Middle Ages” promise to be more intellectually free than modern knowledge capitalism. Thus, the “Stehr vector” makes it possible to design not the Berdyaev dystopian version of the “New Middle Ages”, but, on the contrary, more intellectually free version than modern knowledge capitalism.

Keywords: “Stehr vector”, knowledge society, financialization, urban discourse coordinate system, the right to one’s own city, city university, epistemological urbanism, dichotomy, cognitive-communicative and spatial-temporal dimensions, “city of knowledge”

Введение

Знание воплощает в себе динамическую способность к преобразованию мира и поэтому позволяет обществу двигаться вперед. Такая позиция проходит красной линией через сочинения Нико Штера. В то же время Штер обращает внимание читателя на то, что знания как основа когнитивных и некогнитивных навыков и умений были признаны фактором производства лишь в постиндустриальную эпоху [Stehr, Voss, 2019, p. 333], но как только это произошло, знания стали монополизироваться, монетизироваться, а доступ к ним – ограничиваться. Все это создает предпосылки для тревожных дисбалансов в обществе. Стратифицированный доступ к знаниям, ставшим

главным экономическим ресурсом, дает огромные преимущества его дистрибьюторам и способствует социальному неравенству [Stehr, Voss, 2019, p. 333]. Высказывая подобные наблюдения и опасения, Нико Штер отстаивает уже ставшую классической концепцию «общество знания» [Stehr, 1994] и снова и снова убеждает нас, что знания как общественное благо не должны иметь цены [Ibid.].

Здесь обнаруживается основное противоречие концепции Н. Штера, который применительно к знанию одновременно противопоставляет и отождествляет понятия цены и ценности. С одной стороны, Штер позитивно относится к тому, что человечество в эпоху промышленного бума наконец оценило пользу знания. С другой стороны, Штера удручает, что эта польза выражена в деньгах. Мы можем возразить Штеру и задаться вопросом, в чем же еще можно измерить эту ценность: в мешках с солью или в человеческих жизнях? Представляется уместным спросить: если цена есть монетизированное выражение ценности, то почему такое выражение ценности не может применяться к знанию?

Основная проблема, на мой взгляд, в том, что цену знания сложно измерить в принципе, особенно учитывая, что ценность определенного знания зачастую может быть осознана лишь спустя годы и десятилетия после его генерации. Во-первых, во временном контексте ученый может сам не осознавать ценность «своего» знания и не застать при жизни того момента, когда эта ценность станет очевидной. Во-вторых, в пространственном измерении труд ученого во многих случаях оценивается должностными лицами, не обладающими компетенцией для оценки пользы и потенциала знания.

Тем не менее в идеях Штера слышен манифест против присвоения и дегуманитаризации знаний. Знания призваны служить обществу, и это должны признать научное сообщество, власть, широкая общественность и бизнес, который в идеальном варианте начнет наконец развиваться в русле социально-этических технологий и креативности.

Будучи вдохновленным идеями Р. Флориды [Флорида, 2016] и напомним Д. Лернера [Lerner, 1964] в противовес капитализации знания [Stehr, Voss, 2019], Н. Штер проектирует новый вектор общественного развития: основой социальной динамики становится креативный капитал, который создается наиболее творческими людьми (креативным классом), формирующими интеллектуальные сообщества в городах. Путь к «городу знания», где абсолютной ценностью являются научное познание и свобода научного творчества, где социальные коммуникации развиваются по траекториям социальных взаимодействий между научными сообществами и внутри них, я и называю «вектором Штера».

Несмотря на отмеченные противоречия, «вектор Штера» может стать эффективным инструментом эпистемологической урбанистики

и ключевым элементом в системе координат городского дискурса. Последняя как раз является методологической моделью городских исследований, проводимых нашей исследовательской группой.

Ценность знания

Я предлагаю проследить ряд значимых трансформаций, которые произошли в ценностном и ценовом измерении знаний в последние три десятилетия. В самом начале эры интернета могло создаться впечатление, что знание наконец-то стало общественным достоянием. Все больше интеллектуальных ресурсов (книг, кинофильмов, видеолекций) оказывалось в распоряжении каждого человека, у которого есть подключение к интернету. Однако скоро обнаружились две тенденции. Во-первых, миллионы людей игнорируют цифровые возможности получения знаний. Вместо прочтения книги в интернете студент берет из сети реферат или презентацию, а достоверным сведениям люди предпочитают слухи из социальных сетей. Во-вторых, вошло в обиход неограниченное присвоение знаний: использование бесплатных интернет-платформ, видеопиратство и, наконец, плагиат. Неудивительно, что авторы диссертаций, лишаемые сегодня ученых степеней, искренне недоумевают: никто не сказал им, что списывать нельзя.

К окончанию второго десятилетия XXI в. ситуация начала меняться. Именно об этих изменениях пишет Штер в книге «Капитализм знаний» [Stehr, 2022]. Патентное право наложило запреты на бесконтрольную трансляцию знаний: чиновники и бизнесмены, а вовсе не ученые, решили, что знания также имеют цену. Полагаю, что значимый эффект таких новшеств состоял в неожиданной возможности дифференцировать знания в зависимости от их ценности: бесплатная информация стала восприниматься как малоценная. Во многих случаях основания такой дифференциации обоснованы. Истинная ценность бесплатно получаемых сведений из социальных сетей, насыщенных таргет-рекламой, является, мягко говоря, неопределенной. Между тем, чтобы получить (пусть в онлайн-варианте) только что вышедшую научную монографию, литературный бестселлер, научную статью из рейтингового издания, новый кинофильм, придется заплатить. И вроде бы вполне справедливо платить за то, что имеет ценность. Почему сигареты, вредные для здоровья, продаются, а знания должны выдаваться бесплатно?

В обществе знаний, о котором говорит Нико Штер, знания не должны продаваться не потому, что они ничего не стоят, а потому, что они бесценны и являются гуманитарным достоянием человечества. Из этого я делаю вывод, что для распространения знаний

не должно существовать каких-либо барьеров: социально-экономических, географических и тем более временных. Нико Штер говорит о цифровых монополистах, присваивающих знания, однако, мы без труда обнаруживаем, что средствами присвоения знания может воспользоваться любой субъект. Так, на сайтах некоторых научных журналов статью двухлетней давности можно получить свободно, в то время как более новые публикации требуют возмещения, например, в форме подписки на журнал. Возникает вопрос: считает ли редакция, что статьи, опубликованные два года назад и ранее, потеряли ценность? И в целом, существует ли понятие «секонд хенд» в науке? Дифференциация знания в зависимости от «срока годности» приобретает малопонятный характер: «новое не значит лучшее, старое не значит бесполезное». Неслучайно Нико Штер сомневается в корректности измерения ценности знаний с учетом «потери ценности знаний» в течение определенного временного периода [Stehr, Voss, 2019, p. 307].

Более того, как мы можем заметить, торговцы знаниями в большинстве случаев – это вовсе не авторы. И здесь мы говорим в первую очередь не о редакциях научных журналов. Разве кто-то из моих читателей или я сама давали разрешение «Электронной библиотеке диссертаций» [dissercat.com] продавать наши кандидатские и докторские диссертации по одинаковой цене 700 рублей? Дифференциация ценности знания сводится к абсурду, а «смерть автора» приобретает гротескный финансиализированный [Krippner, 2005] характер.

В данном контексте нельзя не согласиться с релевантностью составленного Нико Штером перечня нерешенных вопросов. Так, знания, инкорпорированные в производство и социально-экономическую жизнь, могут быть не только очень разнородными, но и «невидимыми» (неявное знание). Знания несимметричны другим ресурсам, составляющим «товар», а доля знаний в совокупном продукте не поддается измерению; оценка знаний, которые были внедрены в производство на разных временных этапах, весьма затруднительна. Более того, если стоимость привычных нам товаров и услуг устанавливается в зависимости от объема их производства, то количественные параметры вряд ли могут свидетельствовать о степени полезности знания. Наконец, если труд и капитал образуют гибридное единство во многих экономических контекстах, то какое значение имеет эта единица измерения для ценности знаний? [Stehr, Voss, 2019, p. 307]. Мы можем возразить Нико Штеру в деталях, но необходимость решения этих вопросов, полагаю, должна быть осознана научным сообществом.

Нико Штер против капитализма знаний: город как перспектива

В «Обществах знаний» Н. Штер одним из первых [Stehr, 1994] правильно расставил акценты в оценке дихотомии нового урбанизированного общества, где, с одной стороны, магистральную роль играют знания (и уже не информация, как у Д. Белла), но, с другой стороны, хрупкость становится главным атрибутом социальной жизни. Знание стало доступным, и эту свободу познания необходимо было сохранить. Научному сообществу был дан ценный совет строить социальные теории с учетом трансформации социальной роли знания в сторону понимания осведомленности как фактора власти [Ibid.].

Опасения Штера, высказанные почти 30 лет назад, сегодня подтвердились. Ценность знания получила правовой статус, сопровождаемый многочисленными юридическими коллизиями. Кодирование знаний с помощью национального и международного (в частности, патентного) права стала рычагом, позволившим трансформировать общество знаний в капитализм знаний [Stehr, 2022]. Штер тщательно прослеживает предпосылки и условия процесса, в ходе которого общество знаний, созданное наукой и техникой, было экспроприировано капитализмом, получившим в итоге монополию на знания. Цифровые гиганты, присвоившие права интеллектуальной собственности, стали использовать свой контроль над электронными коммуникациями для формирования социального поведения в личных целях. Постоянная напряженность и еще более очевидная хрупкость стали основными характеристиками общественной жизни. Интеллектуальные монополии сформировали локальные и мировые экономические системы, вызывая рост неравенства. На мой взгляд, наиболее опасным в данных условиях является отсутствие творческого начала в любой монополии или корпорации, поэтому сложившаяся ситуация чревата глобальной стагнацией в науке и высоких технологиях.

Нико Штер убедительно показывает, что в поисках «дома знаний» мы до сих пор привычно мыслим в координатах национального и глобального. Так, с одной стороны, единицей (макро-)социального научного анализа в контексте «ортодоксальной логики» XIX в. [Ibid., р. 5] все еще является общество в значении национального государства, границы которого отождествляют с границами исследовательских и когнитивных систем [Ibid.]. С другой стороны, стало общим местом описание цифровизации как абсолютной силы, меняющей и унифицирующей мировой коммуникационный климат. Следует согласиться с Нико Штером, который воспринимает цифровизацию как один из каналов присвоения знаний, но не как средство изменения структуры коммуникационного процесса. Штер напоминает нам, что те сферы коммуникации, где принимаются судьбоносные решения,

сохраняют локальный характер: территориальная власть и «силовые игры» не исчезли, а продолжают оставаться актуальными атрибутами геополитики.

Пока национальное и транснациональное конкурируют между собой за собственность над знанием, именно большие города, как я полагаю, формируют когнитивно-коммуникационные сети как внутри себя, так и между собой. Эти коммуникационные сети могут использовать цифровые инструменты, но действуют они, скорее, по законам «реального общения». Нико Штер также указывает на судьбоносную роль города в обществе знаний. По его мнению, функции городов различаются, и города на протяжении истории выполняли все больше и больше различных функций. Одна из самых заметных функций, характерная для городов по всему миру, – втягивание в себя окружающего их пространства, постоянный рост [Stehr, 2022, с. 15] как в реальных, так и в виртуально-сетевых параметрах. Штер, таким образом, подталкивает нас к мысли, что функция города как коммуникативной сингонии, с одной стороны, архаична, с другой – инновационна и перспективна.

Полагаю, что даже проживая основную часть жизни в большом городе, нам трудно осознать, что знание – это и есть тот самый «гений места», позволяющий нам реализовать «право на свой город». Территориальные образования, даже самые инновационные, являются наравне с виртуальными пространствами традиционными лакунами знаний. Они выполняют те же коммуникативно-интеллектуальные функции, что и Александрия Египетская, Афины и Сиракузы в древности. Здесь мы снова обращаемся к Штеру, который показывает, что хотя новые технологические способы коммуникации и транспорта сокращают дистанцию между группами и отдельными людьми, изоляция между регионами, городами и деревнями сохраняется [Ibid., р. 175]. Мир открывается, пишет Нико Штер, и вероисповедания, стили и товары смешиваются, но стены между ними остаются; убеждения в том, что является священным, не рушатся. Значение времени и места размывается, в то время как границы продолжают соблюдаться [Ibid.].

В рассуждениях Нико Штера онтологические и эпистемологические интерпретации, с одной стороны, взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга, но, с другой стороны, обнаруживают противоречия между собой. Определяя капитализм знаний как угрозу обществу знаний, Штер тем не менее рассматривает эти два концепта не в контексте преемственности или взаимоотрицания, а как некие плоскости реализации одной и той же идеи – идеи примата знания в общественной жизни. У читателя может сложиться впечатление, что капитализм знания одновременно отменяет и не отменяет общества знания, поскольку оба понятия являются продуктами гиперреальности. Точно так же, например, гиперлокальное отрицает и не отрицает локальное, а постиндустриальное отменяет и не отменяет

индустриальное, поскольку и то и другое является симулякрами. Общества знаний и капитализм знаний не могут быть представлены как полярные противоположности, и Штер в какой-то степени и сам это признает, когда указывает, что «общества знаний не возникают в результате простого одномерного развертывания недвусмысленным образом. Общества знаний не превращаются в какие-то одномерные социальные образования. Общества знаний становятся похожими, оставаясь непохожими или даже становясь непохожими друг на друга» [Stehr, 2022, p. 175].

Поэтому в сложившемся контексте следует думать не о том, как отменить капитализм знания, а о том, как интегрировать гуманитарный и утилитарный подходы к знанию. Основой такой интеграции объективно становятся городские дискурсивные системы.

Локализация творческого капитала

Каким же образом городская дискурсивная система позволяет формировать конфигурацию обществ знания и капитализма знаний? Для понимания такой конфигурации предлагаю использовать разработанную мною и моими коллегами исследовательскую модель, в которой город описывается как дискурсивная система, а феномены городской жизни интерпретируются как дискурсивные. Явления городского дискурса в таком случае можно интерпретировать в двух измерениях (осях): интеллектуально-когнитивном (вертикальная ось ординат – «сегментов человеческого знания», М. Фуко) и коммуникативном (горизонтальная ось абсцисс), где фиксируются состояния обмена и взаимодействия, причем не только между людьми, но также между человеком и техникой. Город не только концентрирует знания, но и создает платформу для коммуникации между его обладателями. Интеллектуально-коммуникативная сеть охватывает пространства внутри городов и между городами.

Наша модель и связанные с нею гипотезы и проекты созвучны ряду идей, высказанных Нико Штером и исследователями, к трудам которых Штер обращается. Так, Нико Штер адресует нас к книге «Расцвет креативного класса» [Флорида, 2016], где представлен эмпирический анализ нового класса поставщиков креативности, сосредоточенного в городах – больших творческих мастерских. Креативность описывается как когнитивно-коммуникативный феномен [Florida, 2014, p. 197], подобный описанной Штером способности «применять знания к знаниям» в процессе социального взаимодействия [Stehr, 2016, p. 106].

Теория творческого капитала [Florida, 2014], в свою очередь, сводится к утверждению, что экономический рост городов и примы-

кающих к ним регионов обусловлен выбором местоположения творческими людьми – обладателями творческого капитала, которые предпочитают места, открытые для новых идей, отличающиеся разнообразием и терпимостью. Штер подчеркивает, что именно фактор локализации определяет главное отличие теорий человеческого и творческого капитала [Stehr, 2022, p. 236]. В концепте творческого капитала отражены главные факторы, которые формируют решения склонных к творчеству людей о смене их местоположения. В данном случае недостаточно просто утверждать, что города наделены определенными качествами, стимулирующими творчество. Природу влияния знания (прежде всего, научного) на городское общество нелегко отделить от влияния общества на науку [Stehr, 2016, p. 164].

Креативный класс – это действительно городской феномен. И в данном случае взгляды Штера и Флориды весьма актуальны. Мои возражения в данном случае – в том, что класс творческих людей, нашедших свое призвание в городских пространствах, – это вовсе не изобретение новой эпохи: уже в средневековых европейских городах он был представлен философами, отчасти монахами, алхимиками и первыми естествоиспытателями.

Курица или яйцо, город или знание?

Установленная Нико Штером причинно-следственная связь между локальным предложением (социально-экономическими преимуществами, которые дает город) и присутствием (представителей креативного класса в рамках определенных территориальных границ) [Ibid., p. 329] имеет подвижную дихотомную природу и напоминает вопрос о «курице и яйце». Зададимся вопросом: является ли город той птицей, которая несет золотые яйца в виде людей творческих профессий? Или, вероятно, сами эти люди являются птенцами, которым предстоит коллективно «выносить» и «взрастить» город как центр достижений, из которого впоследствии родятся новые поколения творцов?

Сложно однозначно ответить на вопрос, поставленный Марио Полезе в книге «Легенды градостроительства...»: «Вызывает ли яркая культурная среда местное процветание... или она – следствие местного процветания» [Polèse, 2011]; одно обуславливает другое и наоборот.

В знаменитой трехэтапной модели модернизации [Lerner, 1964], которую Штер полностью принимает и неоднократно цитирует [Stehr, 2016, p. 94–95], именно урбанизация стоит на первом месте, и лишь затем следуют развитие грамотности и медиа.

Штер, однако, недоумевает, обнаруживая, что во многих развивающихся странах «грамотность не развивается в требуемом темпе»

[Stehr, 2016, p. 95]. Действительно ли модель модернизации «урбанизация – грамотность – медиа» применима ко всем обществам?

Полагаю, что безусловным показателем уровня грамотности населения можно считать университеты, поскольку неграмотные люди не получают высшее образование, которое является мостом, по которому необходимо пройти на пути от обыденного знания к научному. Поэтому, проследив динамику городов и университетов, мы сможем согласиться либо не согласиться с Нико Штером, полагающим модель Лернера универсальной.

При ближайшем рассмотрении у разных обществ обнаруживаются неодинаковые маршруты научно-образовательной эволюции. В Европе в Средние века грамотность была первична по отношению к двум другим позициям [Касавин, 2021], в США и России в Новое время на первом месте стоит, действительно, рост городов, в Новейшей истории – иная картина: цифровые коммуникации опережают и знание, и урбанизацию. Так, например, в Уганде высшее образование имеют 23% (что почти совпадает с количеством сельских жителей). При этом 46% населения этой страны уже в 2015 г. пользовались домашним интернетом [Uganda: Communications..., 2015].

Применительно к Средним векам и Новому времени я сознательно указываю на «рост городов» и не повторяю за Д. Лернером и Н. Штером слово «урбанизация» (вряд ли рост городов, например, в Европе мы так можем однозначно обозначать как некую «средневековую урбанизацию»). Истинная урбанизация изначально была связана с ростом промышленности и привлечением в города большого количества людей, которые двигались туда не за образованием, а за работой, причём не в сфере интеллектуального производства. Как мы знаем, урбанизация, о которой написано в школьных учебниках, происходила не за счет креативного класса, а за счет бывших крестьян. Поэтому в индустриальный период (вне зависимости от географии) в лернеровской модели появится еще одна переменная – рост заводов и фабрик, которая будет предопределять рост городов. Модерн, несмотря на аргументы Латура [Latour, 1993], видимо, все же был, но он точно закончился.

Как мы видим, в траекториях научно-образовательной эволюции неизменно присутствует рост грамотности, городов и медиакоммуникаций. Выделяя эти позиции, Лернер, безусловно, был прав. «Вектор Штера» неуклонно пересекает эти три позиции. Однако последовательность этих позиций может изменяться, причём иногда кардинально.

Постиндустриальная эпоха поставила все на свои места. Факторы современной урбанизации и роста первых городов в Европе одинаковы и определяются знанием, подкрепляемым, вероятно, политической силой. В данном ключе по-новому звучат идеи о Новом Средневековье, которое предстает не таким мрачным и угрожающим, если

не считать повсеместного увлечения магией и суевериями [Бердяев, 2018]. Мы не можем исключать пришествия второго модерна [Beck, Lau, 2005], но произойдет это не сегодня и не завтра.

Одновременность неодновременного и перспективы локальности

Нико Штер показывает, что локальность и территориальность, города и агломерации не только не утратили свою значимость в новую эпоху (*эпоху цифрового средневековья*. – И.С.), но, модифицировавшись, преумножили ее. Нам представляется значимым и верным указание Штера на распространенное заблуждение, повторяющееся во многих «социально-научных» дискуссиях по поводу «повсеместной цифровизации как непреодолимой силе... захлестывающей все... и уничтожающей мир, который может быть воспринят чувствами, причем сопротивление которой безнадежно» [Stehr, 2016, p. 331]. Для нас значим следующий методологический посыл Штера: при анализе социальных событий первостепенное значение должно иметь соблюдение запрета на «синхронизацию несоизмеримого» (по терминологии Макса Фриша), и «если о чем-то и нужно говорить сегодня, так это о напряженности между экзистенциальными (рациональными) и моральными интересами» [Ibid.]. «Одновременность неодновременного» проявляется и в том, что современные общества пронизаны социальными явлениями, которые одновременно находятся на подъеме и на спаде и берут свое начало в разные исторические периоды. И многие из этих явлений вступают в конфликт друг с другом [Ibid., p. 334]. «Одновременность неодновременного», как показывает Штер, легко иллюстрируется конфликтом между динамичными и ненадежными социальными институтами, такими как экономика и социальные сети, и более тяжеловесными и продуманными институтами современного общества, такими как политическая система и гражданский дискурс. Это становится поразительно очевидным и представляет собой фундаментальную проблему для будущих поколений [Ibid., pp. 333–334]. Напряженная взаимосвязь между веберовскими формами рациональности – моральной и формальной, по мнению Штера, продолжает оставаться одним из важных источников всех социальных проблем [Ibid., p. 334].

Идея «одновременности неодновременного» как способа оформления мысли позволяет понять, что мои разногласия со Штером носят по преимуществу точечный характер, но не относятся к теории и методологии. Вот почему, когда все говорят о дисперсии знания, о разрушении пространственно-временных барьеров трансляции и рецепции, мы (Н. Штер, Р. Флорида и автор этой статьи) заявляем о новой

локализации знания, ведущую роль в которой играет креативный класс, сосредоточенный в городах и реализующий в полной мере свое «право на город» [Harvey, 2012]? Нет ничего парадоксального в том, что локальные осязаемые центры производства знания растут и множатся, в то время как географические барьеры для распространения знаний действительно стали ниже.

Эпистемологическая урбанистика показывает, что производство знания – не только интеллектуальный, но и коммуникационный процесс, развивающийся с помощью взаимодействия научных сообществ в городах и между городами. «Одновременность неодновременного» как важная характеристика «вектора Штера» позволяет увидеть, что дихотомия концентрации и дисперсии знаний и есть возможная перспектива общества знаний.

Город науки: между утопией и антиутопией

При обсуждении перспектив «науки в свободном обществе» самым сложным представляется мысленный эксперимент, который в книге «Информация, власть и демократия» предлагает провести Нико Штер. В эксперименте открываются две опции для реализации социальной функции научного сообщества. В первом случае, и об этом говорил Дж. Дьюи, плоды науки могут стать движителем демократизации. В результате сформируется общество, основанное на образцовых формах рационального знания, генерируемого наукой [Stehr, 2016, p. 162].

В книге «Информация, власть и демократия» вектор Штера пролегал от знания к свободе, которых Штер соотносит, соответственно, как родителя и дочь. Ключевую значимость в данном случае имеет «последовательное широкое распространение знания в социуме» [Ibid.], обеспечиваемое образованием, которое плотно связано с городским образом жизни.

Во втором случае организация научного сообщества становится моделью демократического общественного управления [Ibid., p. 163]. Штер адресует нас к описанным в 1963 г. Р. Дарендорфом «эпистемологическим обязательствам», которые должны разделять между собой наука и демократия, и к мертоновской связи между моралью и преимуществами научной работы, которая выступает в качестве идеала для выбора желаемой формы правления. В результате мы видим утопию идеального города и конгломерата городов, где граждане «буквально становятся образцовыми учеными и носителями научных знаний, которые во всем обществе сумели вытеснить все остальные, низшие, то есть традиционные и повседневные формы познания» [Ibid.].

Путь от утопии к антиутопии крайне короток. Штер указывает на вероятные отклонения своего вектора: «перспектива чрезмерной зависимости общества и политики от научных знаний может серьезно подорвать свободу отдельных лиц и их способность участвовать в демократическом управлении» [Stehr, 2016, p. 163–164].

Мы должны признать, что любая утопия может стать «игрой в бисер» при определенных обстоятельствах и действиях. Антиутопичные картины общества, где идея социальной организации по образцу научного сообщества перерождается в убогую меритократию, мы находим в «Кризисе образования» [Arendt, 2016] и «Возвышении меритократии» [Янг, 1991]. И вот уже в современной Британии отказ от «диктата интеллектуалов» ложится в основание платформы «новых лейбористов» [Dench, 2007]. Нам всем известны случаи, когда квазиинтеллектуальная элита, приобретшая свойства сословной [Morgan et al., 2022], в период своего катагенеза начинает тормозить социальную мобильность и развитие институтов демократии [Haues, 2013]. Опыт «посевов» и «урожаев» [Grothendieck, 2022] показывает, что научному сообществу следует постоянно обновляться и базироваться не на предписанном статусе своих членов, но на их индивидуальных достижениях. В этом случае наука будет конструктивно влиять на общественное сознание и тем самым укреплять демократические формы жизни [Stehr, 2016, p. 163].

Дискурс современного города, я полагаю, еще находится на этапе перехода из индустриальной эпохи эффективного менеджмента к обществу знания, увы, в значительной степени капитализированного. В «умном городе» многие решения, которыми раньше могли гордиться администраторы, могут без труда принимать роботизированные системы. Лишь истинные инновации могут создаваться учеными. Чтобы избежать антиутопичного сценария, подвижная и многосложная система современного города со свойственными ей индивидуализмом и текучестью кадров в перспективе должна выработать механизмы самореализации наиболее талантливых ученых в различных сферах социальной активности. Соглашаясь с Нико Штером, отметим, что на сегодняшний день нет никаких иных вариантов построения общества участия, кроме как с применением способности всех членов научного сообщества вносить вклад в коллективное предприятие по продвижению знаний [Ibid.]. Готово ли к этому научное общество? На этот вопрос, увы, не отваживаются дать ответ ни Нико Штер, ни автор данной статьи.

Наука концентрируется в городах, ученые продуцируют инновации и, вероятнее всего, все же дождутся того момента, когда процесс социального управления сможет стать наукоцентричным. Однако не исключено, что ученые могут не заметить этого момента или, заметив его, не оценить степень своей моральной ответственности перед обществом. Специфическая сторона такой идеи обусловлена, на наш

взгляд, проблемами научной деятельности, в которых по принципу внешней социальности [Kasavin, 1998, p. 118–119] спроецированы многие общественные проблемы, упоминаемые Нико Штером. И это не только обширная бюрократизация современной науки, которая может ограничить индивидуальное участие и участие небольших групп граждан как в управлении наукой, так и, по аналогии, в обществе, но и тот факт, что наука является сильно стратифицированным и дифференцированным образованием [Stehr, 2016, p. 164]. Тем не менее инструменты рефлексии собственных дисфункций работают в научном сообществе достаточно продуктивно и эффективно проецируются на решение социальных проблем. Неслучайно Штер обращается к высказыванию сербско-американского физика и изобретателя Майкла Пупина: «Только наука может сделать мир безопасным для демократии» [Ibid.]. Преимущество научного сообщества – в том, что оно имеет опыт инициирования работы над ошибками.

Утопия интеллектуального города сводится к тому, что наука определяет поведение и образ мыслей членов общества [Ibid.]. Между тем природу влияния науки на общество нелегко отделить от влияния общества на науку. Открытую, внутреннюю и внешнюю формы социальности мы не можем рассматривать автономно.

Наука, город и не-город

Еще один вопрос, который до сих пор мы сознательно обходили стороной и на котором Нико Штер отдельно не останавливается: какое место занимают (в)негородские пространства в интеллектуальной утопии? Ведь если весь креативный капитал сконцентрирован в городах, что же остается негородским жителям, которых в Германии 7%, в России 25%, в Уганде 80%, и в мире в целом – 42,5% [Field Listing, 2022]?

В России инициативы «сверху» по привлечению в село IT-специалистов, учителей пусть и не везде, и не всегда, имеют позитивный эффект. Такие территории в любом случае будут все больше напоминать город, однако предпочтительно, чтобы это происходило в первую очередь не посредством строительства промышленных предприятий или торопливой урбанизации, а за счет новых интеллектуальных ресурсов, образования и в целом знания. Если на периферийных территориях будет все больше и больше городов-университетов (как, например, в г. Княгинино Нижегородской области или на о. Русский, в Приморье), то можно будет говорить о начале эпохи общества знаний.

Заключение

Нико Штер настаивает на том, что научное сообщество все же не сумело отстоять «общества знаний», где продукты интеллектуального творчества ученых стали бы общим достоянием. Причина такого развития событий, по мнению Штера, в том, что ученым не хватило материального ресурса, чтобы самим распоряжаться производимыми знаниями, поэтому эти знания были монополизированы теми, у кого такой ресурс есть. Вероятно, что, помимо прочего, ученым в данном случае не хватило воли, ответственности и солидарности, более того, и в научно-образовательной среде конъюнктурные интересы, увы, нередко преобладают над исследовательскими. Так или иначе, общество знаний стало капиталом знаний.

«Вектор Штера» направлен на преодоление финансиализации знания. Полностью преодолеть ее чрезвычайно сложно, однако, Н. Штер возлагает большие надежды на описанный Р. Флоридой креативный класс. Исключительная и дихотомная роль городского дискурса в гуманизации капитализма знаний объясняется тем, что креативный класс сосредоточен именно здесь, территориальное пространство сегодня бесперспективно без формирования внутри и вокруг себя плотной когнитивной инфраструктуры, поддерживаемой широкой научной коммуникацией. Развитие интеллектуальных пространств, в свою очередь, невозможно без развития территориального пространства. Вектор Штера в данном случае соотносим с конфигурациями когнитивно-коммуникативной системы координат городского дискурса, предлагаемой автором данной статьи.

«Вектор Штера» имеет ценностную траекторию: в «городе знаний» у ученых все еще есть шанс отстоять свое право на производимый ими же интеллектуальный продукт. Однако это произойдет лишь тогда, когда научное сообщество внутри себя решит проблему рационального и морального, соотнесет каким-то образом экзистенциальные составляющие жизненного пути ученого и его предназначение как исследователя. «Одновременность неодновременного» как ключевое звено «вектора Штера» является методологическим основанием решения этой проблемы.

Список литературы

Бердяев, 2018 – *Бердяев Н.А.* Новое средневековье. М.: RUGRAM, 2018. 128 с.

Касавин, 1998 – *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.

Касавин, 2021 – Касавин, И.Т. Университет Гумбольдта и его альтернативы в условиях рыночной науки // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 41–46.

Флорида, 2016 – Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.

Янг, 1991– Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 317–346 с.

References

Arendt, 2016 – Arendt, H. *The Crisis in Education*. Santa Cruz: University of California. The Humanities Institute, 2016 [https://thi.ucsc.edu/wp-content/uploads/2016/09/Arendt-Crisis_In_Education-1954.pdf, accessed on 24.09.2023].

Beck, Lau, 2005 – Beck, U., Lau, C. “Second Modernity as a Research Agenda: Theoretical and Empirical Explorations in the ‘Meta-Change’ of Modern Society”, *British Journal of Sociology*, 2005, vol. 56, no. 4, pp. 525–557.

Berdjaev, N.A. *Novoe srednevekovye* [New Middle Ages]. Moscow: RUGRAM, 2018, 128 pp. (In Russian)

Dench, 2007 – Dench, G. *The Rise and Rise of Meritocracy*. Hoboken, N.-J.: Wiley-Blackwell, 2007, 288 pp.

Florida, 2014 – Florida, R. “The Creative Class and Economic Development”, *Economic Development Quarterly*, 2014, no. 28, pp. 196–205.

Florida, 2016 – Florida, R. *The Rise of the Creative Class. And How It’s Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basis Books, 2002, 416 p.

Grothendieck, 2022 – Grothendieck, A. *Récoltes et Semailles I, II: Réflexions et témoignage sur un passé de mathématicien*. P.: Gallimard, 2022, 1055 pp.

Harvey, 2012 – Harvey, D. *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution*. New York: Verso, 2012, 187 pp.

Hayes, 2013 – Hayes, C. *Twilight of the Elites: America after Meritocracy*. New York: Crown Publishing, 2013, 304 pp.

Kasavin, I.T. *Migracija. Kreativnost’. Tekst. Problemy neklassicheskoj teorii poznanija* [Migration. Creativity. Text. Problems of Non-Classical Theory of Cognition]. Saint Petersburg: RHGI, 1998, 408 p. (In Russian)

Kasavin, I.T., “Университет Гумбольдта и его альтернативы в условиях рыночной науки” [The Humboldt-University and Its Rivals under the Market Science Condition], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 3, pp. 41–46. (In Russian)

Krippner, 2005 – Krippner, G.R. “The Financialization of the American Economy”, *Socio-Economic Review*, 2005, no. 3, pp. 173–208.

Latour, 1993 – Latour, B. *We Have Never Been Modern*. Harvard: Harvard University Press, 1993, 168 pp.

Lerner, 1964 – Lerner, D. *The Passing of Tradition Society. Modernizing The Middle East*. New York: The Free Press, 1964 (Copyright 1958) [https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.118860/2015.118860.The-Passing-Of-Traditional-Society_djvu.txt, accessed on 24.09.2023].

Morgan et al, 2022 – Morgan, J., Tumlinson, J., Várdy, F. “The Limits of Meritocracy”, *Journal of Economic Theory*, 2022, vol. 201, April, 105414, <https://doi.org/10.1016/j.jet.2022.105414>

Polèse, 2011 – Polèse, M. “Urban-Development Legends. Grand Theories too Little to Revive Cities”, *City Journal*, 2011 [<https://www.city-journal.org/article/urban-development-legends>, accessed on 24.09.2023].

Stehr, 1994 – Stehr, N. *Knowledge Societies*. London: Sage Publications LTD, 1994, 304 pp.

Stehr, 2016 – Stehr, N. *Information, Power and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge*. Cambridge University Press, 2016, 418 pp.

Stehr, 2022 – Stehr, N. *Knowledge Capitalism*. New York: Routledge, 2022, 410 pp.

Stehr, Voss, 2019 – Stehr, N., Voss, D. *Money: A Theory of Modern Society*. London: Routledge, 2019, 356 pp.

Uganda: Communications, 2015 – *Uganda: Communications: Telephone System*. Central Intelligence Agency, Washington, DC: The World Factbook [<https://web.archive.org/web/20151018002856/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ug.html>, accessed on 24.09.2023].

Young, 1991 – Young, M. *The Rise of Meritocracy. 2nd Edition*. London: Routledge, 1994, 198 pp.